

УДК 81'282
DOI: 10.17223/19986645/59/3

Т.И. Вендина

СУБСТРАТНЫЙ ПОДХОД К ДИАЛЕКТНОМУ СЛОВУ (О СМЫСЛОВОЙ КОЛЛИЗИИ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ»)

Анализируется одно из ключевых понятий русской культуры – ВОЛЯ. Объектом исследования являются русские диалекты, так как именно в языке традиционной духовной культуры лежит то исконно русское, не замутненное западноевропейским влиянием, что определяет ее национальное своеобразие. Под субстратным подходом понимается выявление в диалектном слове не только его значения и внутренней формы, но и тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации данной формы. Использование этого подхода поможет избежать субъективности в оценке языковой личности и «реконструировать» культурные смыслы, лежащие в основе традиционной духовной культуры.

Ключевые слова: диалектное слово, традиционная духовная культура.

Субстратный подход к диалектному слову носит в известной степени условный характер и имеет своей целью лишь заострить саму идею, которая имплицитно присутствует во многих работах последнего времени, посвященных описанию слова в контексте языка той или иной культуры. Он предполагает обращение к диалектному слову в плане выявления, с одной стороны, его внутренней формы и значения, а с другой – того духовного начала, тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации данной формы, т.е. в конечном итоге – к познанию «бессознательной духовности» народа, которая лежит в основе его культуры, ибо связь языка, а точнее, его зависимость от сознания и культуры и создает тот культурный субстрат, в котором он живет и развивается.

В системе базисных понятий русской культуры (таких, например, как *жизнь ~ смерть, война ~ мир, добро ~ зло, правда ~ истина, знать ~ ведать, труд ~ работа, один ~ один* и т.д.), определяющих ее материальные и духовные формы, представления о ВОЛЕ и СВОБОДЕ занимают особое место.

Эти понятия являются ключевыми при характеристике русского народа, его психологии, поэтому они не раз были предметом внимания историков, философов, писателей, лингвистов (см., например, работы В.О. Ключевского, Г.П. Федотова, А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, Ф.И. Буслаева, Н.О. Лосского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Л.П. Красавина, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, П.И. Ковалевского, А.А. Потебни, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачева, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, А.Д. Шмелева, А. Вежбицкой, М.В. Пименовой, Н.М. Катаевой и др.), причем какое-либо единство в их понимании отсутствует. При этом вни-

мание исследователей было сосредоточено в основном на фактах истории, этнографии, литературы или личном опыте¹.

В этой связи уместно привести мнение известного русского мыслителя и общественного деятеля И.Л. Солоневича, который писал, что «психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта – и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой – отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский – быт деклассированного и озлобленного разночинца... А. Чехов – быт мелкой интеллигенции... М. Горький – социал-демократического босяка. Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. **Литература всегда является кривым зеркалом народной души.** Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет. Но в такой же цвет окрасила их и русская историография» [3. С. 34].

Продолжая мысль И.Л. Солоневича, следует сказать, что психология народа лучше всего раскрывается в его языке. «Что бы мы ни делали, мы не можем порвать с действительностью... потому что ее обитель – язык. А это информационное растение пустило корни и в мире, и в человеке. Мироздание запечатлело свои законы в человеческом языке при самом его зарождении. Язык мудрее любого из нас», – писал известный польский писатель С. Лем в рассказе «Глас Господа». Адекватная характеристика психологии народа и, соответственно, его культуры поэтому может быть получена только с опорой на данные языка. Именно язык может дать истинную картину языкового сознания человека этой культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Вот почему осмысление языка культуры (как, впрочем, и естественного языка) начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку лексика является самым чувствительным индикатором культуры.

Следует, однако, отметить, что внимание к языку при описании понятий СВОБОДА и ВОЛЯ в лучшем случае ограничивалось литературным языком, т.е. языком элитарной (книжной) культуры. При этом забывалось то обстоятельство, что в русской культуре кроме элитарной существует и

¹ Разнонаправленность оценок русского народа в связи с использованием этих понятий иллюстрируют следующие примеры: «Русский человек происходит от людей, выдумавших слова *приволье* и *раздолье*, не существующие ни на каком другом языке» (В. Одоевский). «Если от чего гибнет народ наш, то именно от гамлетовской нерешительности, от недостатка воли» (М. Меньшиков). «Воля, свобода, легкое житье, обилие денег, т.е. все то, что необходимо человеку для того, чтобы устроиться, причиняет мужику, напротив, крайнее расстройство до того, что он делается вроде свиньи» (Г. Успенский) (цит. по: [1]). Приведу также мнение Н.А. Бердяева: «Русский человек погибает от безволия. Он живет по преимуществу чувством. Всё его мышление слишком эмоционально и... лишено пафоса объективности» [2. С. 250].

народная (крестьянская) культура, которую репрезентируют диалекты (подробнее см. [4. С. 8]). Не случайно, заканчивая свою статью, посвященную концепту ВОЛЯ в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры, Л.Г. Гынгазова приходит к выводу о несоответствии индивидуального и общерусского концептов, причину которого автор видит в том, что моделирование общерусского концепта «базируется на языковых данных, почерпнутых из художественной литературы, фольклора, философских, культурологических и публицистических работ, которые во многом способствовали созданию стереотипного образа» [5. С. 230]

Между тем именно в языке традиционной духовной культуры лежит то исконно русское, не замутненное западноевропейским влиянием, что определяет ее национальное своеобразие. Нравственные установки, религиозная практика, обычаи и нравы русского народа, способы организации его труда и быта, особенности его мышления, чувствования и поведения – все эти формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека по-прежнему живут в языке традиционной духовной культуры. Диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» [6. С. 71], более того, в диалектах сохранилось то лексическое богатство, которое оказалось утраченным в литературном языке.

Поэтому при исследовании этих понятий апелляция к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области истории, литературы или философской мысли является малоубедительной, поскольку они всегда субъективны. Необходимо проникнуть в идеологию языка и отрешиться от навязываемых оценок. Тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка» [7. С. 75]. Более того, сегодня, когда лингвистика превратилась в полипарадигмальную науку, сама логика развития *зачем/почему-лингвистики* требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики – «найти доступ к Человеку через язык».

Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность. Погружаясь в определенную культурную наследственность, она через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, осознавая постепенно и свое место в нем. Так через язык происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности субъекта, его самоотожествление с идеями, ценностями, традициями своей культуры.

Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при описании концепта ВОЛЯ.

Писать и говорить о ВОЛЕ в языке русской традиционной духовной культуры – значит погружаться в глубинные основы языка этой культуры, ибо в

осмыслении этой категории отразилось и отношение человека к окружающему миру, и осознание своего места в нем, и определение главных жизненных ценностей, ее приоритетов. При этом обращает на себя внимание тот факт, что именно ВОЛЯ, а не СВОБОДА обладает чрезвычайно плотным лексическим полем. Так, в частности, в русских диалектах представлен следующий репертуар лексем с общим значением 'воля' (ср. *воль, воля, воленье, веленье, вольгота, извол, моженье, повольнице, призволенье, произвол, пуца, слобода, угода, удовол, хоть, хочь, хотение, хотенки, хоча* и т.д.). Его богатство становится особенно заметным на фоне сравнительно бедного синонимического ряда СВОБОДЫ (*свобода, свободь, слобода, вольгота, повольнице, удовол*), в котором понятие СВОБОДА передается нередко теми же лексемами, что и воля¹, т.е. «воля постоянно вторгается в поле свободы, приобретая социальный смысл» [8. С. 73]. И уже это обстоятельство свидетельствует о своеобразии языка традиционной духовной культуры, поскольку в литературном языке именно СВОБОДА является центральным понятием².

Следует отметить также, что в диалектах слово ВОЛЯ имеет обширную семантико-символическую парадигму (подробнее о понятии семантико-символической парадигмы см., например, работы С.М. Толстой [11], Т.И. Вендиной [12]). Построенная на основе общности мотивировочного признака и представляющая собой мотивационный лексический ряд, в котором могут объединяться функционально разнородные значения, семантико-символическая парадигма предстает в виде «текста», позволяющего проникнуть в глубинные основы языкового сознания народа. Видя перед собой множество словообразовательных моделей, репрезентирующих название той или иной реалии, исследователь с помощью словообразовательного анализа, при котором учитываются структурно-семантические отношения, возникающие между производящим и производным словом, выявляет общие закономерности номинации реалий, выполняющих одну и ту же или разные функции, но имеющих определенную связь с одним и тем же исходным понятием, т.е. в центре внимания исследователя оказывается, с одной стороны, **корневая морфема**, а с другой – **архисема**, которая актуализируется в дериватах с этой корневой морфемой.

Наличие богатой семантико-символической парадигмы лексемы ВОЛЯ свидетельствует не только о значимости этого понятия для традиционной

¹ Л.Г. Гынгазова, исследуя этот концепт в языковом сознании типичного представителя традиционной духовной культуры крестьянки Веры Прокофьевны Вершининой, пишет, что «слово *воля* более частотно, чем *свобода*. Главное же различие между ними состоит в большей деривационной и семантической разработанности *воли* в сравнении со *свободой*» [5. С. 221].

² Ср. в связи с этим мнение А. Вежбицкой о том, что именно «*свобода* представляет собой более общеупотребительное слово и более центральный концепт, нежели *воля*» [9. С. 242]. С этих же позиций ведется описание различий понятий СВОБОДА и ВОЛЯ в «Новом объяснительном словаре»: «...в литературном языке СВОБОДА и ВОЛЯ могут выступать как абсолютные синонимы, однако ВОЛЯ воспринимается как устаревшее» [10. С. 358–362].

русской культуры, но и о стремлении философски осмыслить его, поскольку в словах, входящих в эту парадигму, содержится сущностная характеристика ВОЛИ, позволяющая ответить на вопрос, ЧТО ТАКОЕ ВОЛЯ в представлении русского народа. Думается, однако, что дело не только в этом, но и в том, что перед нами совершенно иная культура, отличная от книжной культуры литературного языка. Для этой культуры социальный аспект понятия СВОБОДА (а именно этот аспект составляет сущность СВОБОДЫ)¹, не имеет большого значения, и хотя в диалектах это понятие существует (ср. *слобода* ж. ‘свобода, отсутствие политического и экономического гнета’ Твер., Пек., Новг., Петерб., Арх., Волог., Яросл., Костром., Влад., Нижегород., Ульянов., Вят., Киров., Моск., Калуж., Смол., Зап. Брян., ЛитССР, Курск., Тамб., Казан., Астрах., Терек., АзССР; *Сделалась народу слобода*. БАССР; *С тех пор уральскому казачеству и дана слобода: владеть рекой и ее угодьями. Дали уж слободу-то*. Р. Урал., Перм., Тобол.; *До слободы дожили. Хорошо теперь: слобода им*. Том., Иркут., Сиб.; *За слободу мы восстали*. Забайкалье, Нижегород., Кинеш., Костром. [СРНГ 38: 288]), однако оно вряд ли реализуется в таких контекстах, характерных для литературного языка, как *свобода слова, мнений, мыслей*.

Существовавшие в старославянском и древнерусском языке социальные значения существительного *свобода* (ср. ст.-сл. *свобода* ‘свободный человек, не раб’ [СС: 586]; др.-рус. *свобода* ‘состояние свободного человека, личная свобода как социальное положение’ [СРЯ XI–XVII 23: 171]) и прилагательного *свободный* (ср. ст.-сл. *свободънъ* ‘свободный, вольный’ [СС: 586]; др.-рус. **свободный** ‘социально свободный, не имеющий личной зависимости’ [СРЯ XI–XVII 23: 174]) «не прижились» в диалектах, хотя полностью их социальный аспект не утратился (ср. *свободъ* ‘отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению’ Вост., Сиб. [СРНГ 36: 306]; *свободный* ‘освобожденный от каких-либо обязанностей (обычно воинской службы)’ *Я винтовку в руки не брал – свободен был*. Сталингр. [СРНГ 36: 305]). Значительно чаще встречается прагматическое осмысление этих слов (ср. *свободъ* ‘не заполненное трудом, занятиями время; досуг’ *Когда свободъ будет, приду*. Пек., Осташк., Твер. [СРНГ 36:306]; *свободничать* ‘бездельничать’ *Сижу, свободничаю, а дело делать надо*. Дон [СРНГ 36:305]; *свободно* ‘о наличии свободного, незанятого времени у кого-л.’ *Время сеять, время жать, а мне все свободно* Влад; *Свободно будет когда, так зайду*. Пинеж., Арх. [СРНГ 36: 305]; *слобода* ‘свободное время, досуг’ Кирил., Волог., Арх.,

¹ Ср. в связи с этим рассуждения Н.Д. Аругюновой: «Воля – категория мира природы и естественного человека (*homo naturalis*), свобода – категория цивилизованного, институционального общества и разумного человека (*homo sapiens*). Если воля стремится переступить все границы, в том числе этические заповеди, то свобода как состояние социума ограничена правилом и законом. Если воля имеет ближнюю цель – удовлетворение непосредственных, преимущественно физических потребностей, то свобода ставит перед собой дальние – социальные, экономические, научные и творческие задачи. Воля нужна природному человеку, свобода – личности» [8. С. 93].

Калуж.; *от слободы* ‘от нечего делать’ Олон. [СРНГ 38: 288]; *свободность* ‘свободное, незанятое работой время’ *Никакой свободности нет, всегда работаем* Мещов., Калуж.; Казаки-некрасовцы [СРНГ 38: 290]). Все это свидетельствует о том, что именно ВОЛЯ, а не СВОБОДА является центральным понятием в языке традиционной духовной культуры, поэтому наше описание будет сосредоточено на нем.

ВОЛЯ в языке традиционной культуры является многозначным словом, в котором совмещаются абстрактное, пространственное, предметное, квантитативное, темпоральное и личностное значения. В интерпретации этого понятия прослеживается целая этическая философия языка традиционной культуры, связанная с осмыслением жизни человека, ее духовных приоритетов и нравственных ценностей.

Прежде всего, следует отметить, что в центре смыслового пространства ВОЛИ стоит человек, поскольку **ВОЛЯ – это его желание** (ср. *воля* ‘воля, желание’ Смол. [СРНГ 5: 83]; *волиться* ‘хотеться, желаться’ Влад. [СРНГ 5: 39]; *извол* ‘воля, желание, изволение’ Онеж., Арх., Олон., Перм., Урал [СРНГ 12: 110]; *моженье* ‘воля, желание’ *А такожде мя, раба божия, не уловить ни злым конем, ни дьявольским можением* (заговор). Олон. [СРНГ 18: 200]; *призволенье* ‘желание, воля’ *У нас одно призволенье, чтобы не воевать и все бы сыты были*. Верхозим., Саратов. [СРНГ 31: 224]; *произвол* ‘добрая воля, желание’ Каляз., Твер. [СРНГ 32: 146]; *хоть, хочь, хотение, хотенки, хоча* ‘сильное, страстное желание’ Сиб. [Даль IV: 585]), осуществление которого реализуется в действии¹, **в выборе которого ему представляется полная свобода** (ср. *воля нареч.* ‘по собственному желанию, добровольно’ Холмог., Арх. [СРНГ 5: 88]; *изволить* ‘хотеть, желать, избрать по своей воле’ [Даль II: 14]; *произволить* ‘изъявить желание, захотеть, согласиться, позволить’ Каргоп. Олон., Петерб., Влад. [СРНГ 32: 146]; *самохотно нареч.* ‘по собственному желанию’ Зап.-Сиб., Южн.-Сиб. *Ведь он самохотно женился*. Урал. [СРНГ 36: 111]).

ВОЛЯ как желание тесно связана с **удовольствием** (ср. *волюку тешить* ‘наслаждаться’ Никол., Волог. [СРНГ 6: 84]; *довольщице, довольство* ‘удовольствие’ *Со всем довольством*. Пошех., Молог., Ярослав. [СРНГ 8: 86]; *удовол* ‘удовольствие, приятные ощущения’ Мордов. [СРНГ 46: 306]).

Все эти имена подтверждают тонкое наблюдение Н.Д. Арутюновой о том, что «воля соотносится, прежде всего, с природным человеком, его желаниями, естественными потребностями, побуждениями, импульсами, порывами и инстинктами. Не случайно слова *удовольствие, довольство* одного корня с волей-желанием» [8. С. 84].

Об этом говорит и тот факт, что **ВОЛЯ – это сила, здоровье человека**, способного реализовать свою волю (ср. *моженье* 1) ‘воля, желание’ Олон.; 2) ‘сила, здоровье’ *Како мое моженье*. Новорж., Пек. [СРНГ 18: 200]). Соответственно НЕВОЛЯ – это болезнь, утрата способности к активному дей-

¹ Н.Д. Арутюнова, определяет волю как «своего рода акциональный модус, координирующий желания (побуждения) и действия» [8. С. 74].

ствию (ср. *невольный* ‘неподвижный, парализованный’: *Одну девушку искалечило, так она вся невольна, только сидит.* Пинеж., Арх. [СРНГ 20: 357]).

Однако **ВОЛЯ** может осмысляться и как социальная категория, характеризующая жизнь человека как жизнь в достатке, в довольстве, спокойствии (ср. *вольница* ‘обеспеченная жизнь, довольство’ *Она в вольнице живет, все у них есть.* Куйбыш. [СРНГ 5: 85]; *доволенка* ‘достаток, избыток, довольство’ *Они жили в доволенке.* Пенз. [СРНГ 8: 83]; *доволье* 1) ‘изобилие, достаток’ Жиздр., Калуж., 1903; *Хлеба-то доволье.* Таборин., Свердл.; 2) ‘довольство’ Елаг., Смол., Жиздр., Калуж. [СРНГ 8: 83]; *довольный* ‘состоятельный, хорошо обеспеченный’ Холмог., Арх. [СРНГ 8: 84]; *приволье* ‘довольство, достаток’ *Житье приволье, что чудо.* Перм., Смол. [СРНГ 31: 148]; *привольный* ‘отличающийся достатком, довольством, обильный, изобильный’ *У них больно привольно житье-то.* Нижегород., Арх., Саратов. [СРНГ 31: 148]).

Подтверждением этого тезиса являются имена с тем же значением, но от других корней (ср. *жир, жири* ‘о хорошей, привольной жизни’ Арх., Волог., Сев.-Двин., Олон. [СРНГ 9: 180]; *жистина* ‘привольная жизнь’ Ворон. [СРНГ 9: 188]; *красовка* ‘жизнь в довольстве, неге’ Смол. [СРНГ 15: 198]; *легкота* ‘легкая, спокойная жизнь в довольстве и достатке’ Олон., Том. [СРНГ 16: 313]; *легость* ‘легкая, обеспеченная жизнь в довольстве’ Ряз., Вост. Закамье, Том., Влад. [СРНГ 16: 315]; *леготуха* ‘легкая, обеспеченная жизнь в довольстве’ Моск. [СРНГ 16: 316]; *пожитение* ‘хорошая привольная жизнь’ Пск. [СРНГ 28: 329]; *пожитуха* ‘хорошая, привольная жизнь’ Моск., Яросл., Пек., Осташк., Твер., Волог. [СРНГ 28:297]; *прохлад* ‘жизнь в довольстве, неге’ Холмог., Арх. [СРНГ 33: 25] и др.).

Об этом свидетельствует и тот факт, что **ВОЛЯ** воспринимается как свобода, причем свобода понимается как своя воля, отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собой по собственному усмотрению, в соответствии со своими желаниями, отсюда значение *привольная жизнь* (Срезневский, Даль) (ср. *вольгота* ‘свобода, воля, привольная жизнь’ *Не замай его с его вольготой,* т. е. ‘пусть себе делает что хочет’ Курск., Орл., Ворон., Тамб.; *И собаке надо вольготу делать: не все на цепи держат.* Влад., Саратов., Яросл., Твер., Смол., Пек., Волог., Новг., Перм., Свердлов. [СРНГ 5: 84]; *вольготный* ‘свободный’ (о человеке) Саратов. [СРНГ 5: 84]; *повольнице* ‘полная свобода, воля’ Осташк., Твер., Пек. [СРНГ 27: 258]; *повольничать* ‘пожить какое-то время вольно, свободно’ Саратов., Курск., СССР [СРНГ 27: 258]; *просторок* ‘свобода, воля’ *Свой уголок – свой просторок* (пословица). Нижегород. [СРНГ 42: 250]; *слобода* ‘воля, отсутствие запретов, ограничений в чем-л.’ Борисоглеб., Тамб., Смол. *Дай ей слободу, она на голову тебе сядет и поедет.* Тул.; *Пуцай били* [мужья жен], *а лучшие жили, не было этого, а теперь слобода дана.* Арх., Ульянов.; *На слободе* ‘на воле’; *Лошадь месяца четыре на слободе ходит.* Соликам., Перм., Прииртыше, Сиб., Калуж., Арх., Моск. [СРНГ 38: 288]; *угода* ‘свобода, воля’ *Своя бы угода, дак и жила бы, как могла.* Волог. [СРНГ 46: 212]).

Соответственно, лишение свободы, принуждение, зависимость от чьей-либо воли осмысливается как НЕВОЛЯ, ср.: *нёволь* ‘неволя, зависимость, лишение свободы’ Дон. [СРНГ 20: 356]; *неволье* ‘неволя, насилие’ Влад., Новорж., Пек., Морш., Тамб. [СРНГ 20: 356]; *неволица* ‘лишение свободы, зависимость, неволя’ *Неволица – чужая сторона*. Олон. [СРНГ 20: 355]; *неволькой* ‘насиленно, по принуждению’ *Раньше неволькой отдадут замуж, и всё, не так, как сейчас*. Моск. [СРНГ 20: 356]; *подневоля* ‘неволя’ Курск., Амур. [СРНГ 28: 96]; *невольтить* 1) ‘принуждать к чему-либо’ *На это дело я тебя не воволю*. Влад.; 2) ‘выдавать замуж насильно’ *Лет семнадцати девчоночку неволят за вдовца* (частушка). Влад. ~ **Невольтить во неволюшку фольк.** ‘отдавать замуж, в чужую семью’; 3) ‘завоевывать, покорять’ *Стоянем города неволят* (пословица). [СРНГ 20: 358]. *неволя великая* ‘солдатская служба’ Костром. [СРНГ 20: 358]).

О социальном статусе ВОЛИ свидетельствует и значение ‘**власть**’, поскольку *позволять* ‘приказывать’ Печор., Смол. [СРНГ 28: 355]; *велеть* ‘разрешать, позволять’ Казан., Костром., Олон., Пинеж., Арх., Кирил., Новг., Моск., Ставроп., Самар.; *Про нас люди бают-говорят, любят Мишу не велят*. Перм., Свердл., Уфим., Иркут. [СРНГ 4: 106]; *позволиться* ‘спросить разрешения’ Камч., Амур., Сиб., Вост., Север., СРНГ 28: 355), а *снимать волю* (с кого-либо) – значит ‘ослушаться, не повиноваться кому-либо’ *Ей что муж-то, коли она с отца, с матери волю снимает*. Арх., СРНГ 5: 88), ср. также *творить чью-л. волю* ‘подчиняться требованиям кого-л.’ *Кому служу, того и волю творю* [Даль IV: 405]; *Твори мою волю* Смол. [СРНГ 43: 330]. При этом власть понимается в широком смысле – и как власть над собой (*своя воля*). Поэтому *самовольный* или *своевольный* человек – это человек, поступающий по своей прихоти, без разрешения и тем самым нарушающий установленный порядок, ср. также *самовластник* 1) ‘своевольный человек, самовольник’ Ворон. // ‘капризный, своенравный’ *А ее слово в семье последнее, все этот самовластник вершит*. Краснояр.; 2) ‘человек, свободный в своих поступках, сам себе хозяин’ *Мы же не самовластники, что будем делать* Казаки-некрасовцы [СРНГ 36: 80]; *самовластно* 1) ‘самовольно’ Новосиб.; 2) ‘своенравно, упрямо’ *Да разве я пустила? Самовластно убегли*. Краснояр., СРНГ 36: 80; *самовластный* ‘непослушный, своевольный’ (о ребенке) *Самовластный какой, ему говоришь одно, а он по-своему делает*. Краснояр., СРНГ 36: 80), т.е. «воля связана с повелением, с высшей степенью понуждения кого-либо другого, причем она всегда проявляется только в отношении высшего к низшему, за низшим же остается право выбора» [16. С. 328], ср. *веленьё* ‘веление, повеление’ Порх., Пек., СРНГ 4: 106; *делать повеление* ‘давать распоряжение, отдавать приказ’ *Он делал повеление каменной Москве, чтобы народ-люди постились*. Петрозав., Олон. [СРНГ 27: 225]). Это значение мотивируется самой этимологией слова ВОЛЯ, связанного чередованием гласных с глаголом *велети* [Фасмер I: 347].

С ВОЛЕЙ-властью соотносится определенная **модальность** действий человека – запрет или разрешение (ср. *воля нареч.* в знач. *сказ.* ‘можно,

позволительно' *Воля ему не идти с нам.* Пошех., Молог., Ярослав. [СРНГ 5: 88]; *вольню нареч.* в знач. сказ. 'можно, позволительно' *Вольню спорить, браниться грех.* Арх.; *Вольню собаке и на владыку лаять* (поговорка). Пошех., Молог., Ярослав., Волог., Ряз. [СРНГ 5: 85].

Но главным доказательством осмысления ВОЛИ как социальной категории является то, что она **оценивается как регулятивная категория**, которой определяются нравственные устои жизни, нормы человеческого общежития. При этом вектор оценки может быть не только **положительным** (ср. *довольный* 'хорошо обученный чему-либо, хорошо подготовленный в чем-либо' *Он в грамоте доволен и на счетах горазд* (без указ. места) [Даль I: 460]; *Доволен грамоты* 'хороший грамотей, достаточно грамотен' Холмог., Арх.; // 'имеющий к чему-либо особый дар и способности' Холмог., Арх. [СРНГ 8: 86]; *довольный разум* 'здравый, трезвый ум' Юрьев., Влад. [СРНГ 8: 86]; *произвол* 'послушание' *Сын из произвола не выходит.* Урал, Онеж. [СРНГ 42: 146], но и **отрицательным, причем отрицательным даже чаще всего** (ср. *вольник* 'дерзкий, самовольный ребенок, шалун, озорник' *Ребята вольники: ни отца, ни матери не слушаются.* Осташк., Твер.; *Какой вольник, озорник мальчишко-то.* Костром., Киров [СРНГ 5: 84]; *вольница* 'вольная братия, своевольная, буйная шайка' (без указ. места) [Даль I: 243] // 'хулиган' Сев.-Двин. // *Собир.* 'разбойники' Даль; 2) 'распутник, распутница' Сев.-Двин. // *Собир.* 'люди легкого поведения' Волог.; 3) 'девушка, женщина, воспитанная в довольстве, а потому избалованная' *Как вольницу одну брать, она не станет слушаться.* Куйбыш. [СРНГ 5: 84]; *вольница* 'самоуправство' Пек. [СРНГ 5: 85]; *вольный* 'непослушный, своевольный, избалованный' *Парнишка у его такой вольный, знать-то это он напакостил.* Перм., Свердл., Сиб., Тобол., Забайкал. [СРНГ 5: 84]; *вольничать*, 1) 'озорничать, хулиганить' Сев.-Двин.; 2) 'грабить на проезжих дорогах' *По ночам вольничают тут на дороге.* Вят. [СРНГ 5: 84]; *на свою волю* 'самовольно' Перм. [СРНГ 5: 88]; *извол* 'произвол' Онеж., Арх., Олон., Перм., Урал [СРНГ 12: 110]; *своим изволом* 'делать что-либо самовольно' *Своим изволом землю хотят взять.* Покр., Влад. [СРНГ 12: 110]; *поволье* 'потворство' Север. [СРНГ 27: 258]; *поволька* 'потворство, поблажка, потачка' Тихв., Новг., Пек., Сев.-Двин., Олон., Арх. *Поволька и добрую жену портит.* Север., Олон., Онеж., Арх. [СРНГ 27: 258]; *давать повольку* 'давать волю, потакать' Олон., Пудож., КАССР, Арх., Пек., Смол., Кемер., Ленингр. [СРНГ 27: 258]; *повольник* 'своевольник, баловник' Костром. [СРНГ 27: 258]; *привольнюшный* 'непослушный, своевольный' (о ребенке) Арх. [СРНГ 31: 148]; *прихотной* 'капризный, с прихотями' *Мала дочь прихотна, че захочет – дай да роди.* Тюмен. [СРНГ 32: 52]; *прихотня* 'прихоть' *Она с прихотнями всякими.* Том. [СРНГ 32: 52]; *прихотяй* 'о том, у кого много прихотей' Черепов., Новг. [СРНГ 32: 52]; *развольница* 'человек, совершающий предосудительные поступки и не считающийся с общепринятыми нормами' *Кондрик тоже вольница, пьет вольница-развольница.* ЛатвССР [СРНГ 33: 295]; *самовол* 'своенравный, своевольный человек' Новг., Курск. // 'о ребенке'

Зап. Брян.; *У нашей Анюты парнишко, такой самовол, уж не дай те господи.* Новг. [СРНГ 36: 80]; **самоволиться** ‘своевольничать’ Том. [СРНГ 36: 80]; **самоволица** ‘девушка, выходящая замуж по своему усмотрению’ Пск. [СРНГ 36: 80]; **самоволь** ‘дерзкий, смелый, своенравный человек’ Олон. [СРНГ 36: 80]; **самовольно** 1) ‘насилно, против воли, желания’ Арх., 1959. 2) ‘нагло, нахально’ *Вороны все оклеивают самовольно* Пинеж., Арх. [СРНГ 36: 80]; **самовольный** ‘непослушный, шаловливый’ (о ребенке) Каргоп., Арх. *Самовольные, неугомонные дети, никого не слушаются.* Арх., Волог., Калуж. [СРНГ 36: 80]; **самовольский** ‘самовольный, совершаемый без разрешения’ Смол. [СРНГ 36: 80]; **самовольствие** ‘своеволие, самоуправство’ *В нашей местности тяжело было жить, много самовольствия было.* Пинеж., Арх. [СРНГ 36: 80]; **самовольство** ‘выход замуж без согласия родителей’ Пошех., Волог., Яросл. [СРНГ 36: 80]; **самовольчатый** ‘своевольный, своенравный’ *Самовольчатый ты, и не стыдишься* Тюмен. [СРНГ 36: 80]; **самовольщик** ‘человек, совершивший, сделавший что-л. самовольно, без разрешения’ Енис. [СРНГ 36: 80]; **самовольщина** ‘своевольный, своенравный человек’ Мещов., Калуж. [СРНГ 36: 80]; **своеволить** ‘поступать, вести себя по своему произволу, по своей прихоти’ *Брось своеволить!* Пск., Смол. // ‘шалить’ (о детях) *Своеволють дети у саду* Смол. [СРНГ 36: 310]; **своеволица** 1) ‘своевольный человек’ Пек., Осташк., Твер.; 2) *Собир.* ‘собрание своевольных людей’ Пек., Осташк., Твер. [СРНГ 36: 310]; **своеволка** ‘своевольная женщина; девочка-шалунья’ *Володина жонка своеволка: привязала Володю к коровати, а сама пошла гуляти* (песня). Смол. [СРНГ 36: 310]; **своеволька** ‘упрямый, своевольный человек’ Волог. [СРНГ 36: 310]; **своевольна** ‘упрямец, упрямица’ Волог. [СРНГ 36: 310]; **самохотный** ‘своенравный, самовольный’ Покр., Влад., Урал. [СРНГ 36: 111]; **своволя** ‘своеволие, упрямство, непослушание’ Пек., Смол. [СРНГ 36: 306]. Поэтому **держат на поводках** ‘держат в руках, не давать кому-л. воли’ *Муж жену на поводках держит.* Дон. [СРНГ 27: 248].

Все эти имена говорят о том, что ВОЛЯ как свобода в реализации человеком своих желаний (*поступать по-своему*), вседозволенность, выходящая за рамки социально-этических норм крестьянской культуры, оценивается отрицательно (попутно отметим, что у СВОБОДЫ нет такого оценочного ореола и в негативных контекстах она не встречается).

Отрицательная оценка ВОЛИ, не предполагающая каких-либо ограничений, ввергающая человека в сферу инстинктов, необузданных желаний и влечений, рождает такие значения, как **безнравственность, распущенность** (ср. **вольный** ‘развратный’ *Вольная женищина.* Шенк., Арх.; **вольная невеста** ‘девушка, ведущая безнравственный образ жизни’ Красноуфим., Перм. [СРНГ 5: 88]; **вольно** ‘неприлично, распущенно’ (вести себя). Холмог., Арх. [СРНГ 5: 84]; **воля** ‘распущенность’ *Жену бросил, пошел за волей... Какой уж тут порядок.* Енис., Сев.-Двин. [СРНГ 5: 88]; **воль** ‘воля’ Смол. **заниматься волюю** ‘распутничать’ Кемер. *Раньше, если девка волюю занимается, ей ворота дегтем или смолой мажут* [СРНГ 5: 83]; **вольница**

‘девушка, ведущая безнравственный образ жизни’ *Если девушка не вольница, никто и болтать не станет*. Свердлов., [СРНГ 5: 84]; *простовольный* ‘распущенный, своевольный’ Новг. [СРНГ 32: 244]; *распущёнье* ‘слишком большая свобода, воля’ *Распущёньё нонь женкам дано, не почитают мужа за мужа*. Пинеж., Арх., СРНГ 34: 195; *распущёнья* ‘слишком большая свобода, воля, баловство’ Курск [СРНГ 34: 195]; *самохотка* ‘девушка, потерявшая невинность до венца’ Новг., Ворон. [СРНГ 36: 111]; *самохотная* в знач. *сущ.* ‘женщина, родившая до брака’ Пенз. [СРНГ 36: 111]).

Эти примеры убедительно свидетельствуют о том, что «референтная сфера существования воли-вседозволенности достаточно чётко очерчена ситуациями, которые связаны с половой распущенностью, а их субъектом выступает женщина. Из всех видов выхода за границы должного языковой личностью диалектоносителя фиксируется экстремальное проявление природного начала, чреватое разрушением традиционных семейных устоев, в которых роль хранительницы отведена женщине» [5. С. 224].

Не случайно вольная жизнь, свободная в нравственном отношении, оценивается как *заблудущая жизнь* ‘жизнь вольная, свободная в нравственном отношении’ (Пск. [СРНГ 9: 259]). Это осмысление ВОЛИ говорит о приоритетных установках русской традиционной культуры. И здесь мы должны признать, что, с точки зрения нравственных императивов этой культуры, ВОЛЯ, не предполагающая каких-либо этических ограничений, воля как необузданное желание явно входит в противоречие с этическими нормами, принятыми в обществе, так как человек, не способный противостоять своим желаниям и влечениям, отторгается социумом как не отвечающий его нравственным устоям. Так происходит социализация нравственных постулатов традиционной духовной культуры. И этот факт является убедительным свидетельством победы культуры над стихией природного начала в человеке, ибо «для традиционной деревенской культуры характерен идеал порядка, не согласующийся с вседозволенностью и разгулом воли» [5. С. 230].

ВОЛЯ может осмысляться и в темпоральном аспекте, как **временной отрезок** в жизни человека, причем применительно к женщине **воля** – **это время до замужества** (ср. *дэвья воля* ‘время до замужества’ Сев.-Двин. [СРНГ 7: 314]), отсюда восприятие ее как символа (ср. *воля* ‘девичий головной убор в виде широкой ленты’. При обряде расплетания косы невеста дарит ее одной из свадебных подруг, откуда и выражение: *снять волю, отдать волю* ‘о замужестве, выходе замуж’ Олон., Красноуфим., Перм. [СРНГ 5: 88]), соответственно *неволюшка* – это ‘замужество’ (Пудож., Олон. [СРНГ 20: 357]), ср. в связи с этим русскую пословицу: *в девках сижено – плакано, замуж хожено – выто*; ср. также *воля* ‘обещание, что что-либо будет сделано, свершится через некоторое время’ *Уж дай волю, поправлюсь*. Перм., Олон. [СРНГ 5: 88]; *удовол* ‘воля, досуг, свободное время’ Сиб. [СРНГ 46: 306]; *слобода* ‘воля, свободное время, досуг’ Кирил. Волог., Арх., Калуж. [СРНГ 38: 288]).

Соотнесенность ВОЛИ с реальным миром человека делает ее предметом особой любви русского народа, о чем говорит **эмоциональный** «мо-

дус» лексем с корнем **вол-** / **вел-**, ср. *волька* уменьш. к *воля* ‘воля, свобода’: *Хоть сухая корка да своя волька* (поговорка). Черепов., Новг., Арх.; *Ты больно-то не давай ребятам вольки*. Вят., Влад.; *Зато на своей вольке живет*. Костром., Моск. [СРНГ 5: 87]; *воля* в частушках ‘милый, любимый’ Ср. Урал [СРНГ 5: 88]; *вели бог* ‘дай бог, хорошо’ *Вели бог у реки жить*. Тобол. [СРНГ 4: 106].

Все эти имена говорят о том, что ВОЛЯ в русских диалектах в отличие от литературного языка осмысливается более разнообразно. Другая особенность языка традиционной культуры связана с тем, что ВОЛЯ может **соотноситься не только с человеком, но и с окружающим его миром**, который также воспринимается сквозь призму ВОЛИ. Причем в этих именах она предстает как **божественный промысел** (ср. *божья воля* ‘молния’ Нижегород., Костром. *И погорели от божьей воли* // ‘непогода’ Нижегород. // ‘дожди’ Иркут. [СРНГ 3: 63]; *воля божья* ‘ненастная погода’ (снег, дождь с сильным ветром). Борович., Новг. [СРНГ 5: 88]), ср. также *вольготно нареч.* ‘дождливо, мокро, сыро, грязно’ Волог. [СРНГ 6: 84]; *вольготный* ‘влажный’ *Погода вольготная*. ЛитССР [СРНГ 6: 84]; *вольно* ‘прохладно, приятно’ Ворон., Холмог., Арх. [СРНГ 6: 85]; *невольный* ‘о дожде’ *Дожджик идет какой-то невольный!* Ульянов. [СРНГ 20: 357]).

Связь с окружающим миром просматривается и в именах, в которых ВОЛЯ осмысливается как **пространство**, причем пространство, понимаемое очень конкретно, так как это, как правило, пастбище, выгон, где пасется скот (ср. *воля* ‘пастбище, выгон’, ср. объяснение Даля: *Скот на воле ходит, в поле, от этого и самое пастбище, выгон называется волею*. Твер., Кемер., Том.; *воля* ‘пастбище, хорошие луга’ *Тут воля была, ковыль был огромный*. Куйбыш. [СРНГ 5: 88]; *приволь* ‘место, где пасется скот’ Калинин. [СРНГ 31: 148]; *приволье* ‘пастбище, выгон’ Смол., Твер., Калуж. [СРНГ 31: 148]) или участок сенокосной земли (ср. *вольница* ‘участок сенокосной земли, находившийся в общем пользовании и делившийся между крестьянами ежегодно’ Дон. // ‘самовольно захваченный участок земли’ *Косить на вольнице*. Терек. [СРНГ 5: 85]; *доволье* ‘угодье, участок земли, пригодный для хозяйственного использования’ Ср. Урал [СРНГ 8: 86]; *приволь* ‘земля возле крестьянского надела, уступавшаяся владельцем крестьянину под пастбище’ Калуж. [СРНГ 31: 148]).

Наряду с этим значением с ВОЛЕЙ связано и представление о большом, свободном пространстве, где нет никаких ограничений, отсюда ассоциации с раздольем, привольем (ср. *вольность* ‘простор, свободное пространство’ Симб. [СРНГ 6: 86]; *вольный* ‘никому не принадлежащий’ Сиб. // ‘не заселенный, не занятый’ (о земле) *На вольну землю ехали, земля была вольная*. Том. [СРНГ 6: 86]; *вольгота* ‘простор’ Ворон. [СРНГ 5: 84]; *привольице* ‘простор, раздолье, приволье’ *На моей ли на сторонуйке есть привольице хорошее*. Саратов. [СРНГ 31: 148]; *привольство* ‘приволье, простор’ *Поселились мы тут в привольстве* Забайкалье [СРНГ 31: 148]; *приволя* ‘приволье, простор’ *Есть на нашей на сторонке приволя большая*. Волог., Терек. [СРНГ 31: 148]; *простовольный* ‘не занятый, не заполненный

чем-л.' (о месте, пространстве) Ряз. [СРНГ 32: 244]; *пуца* 'отсутствие преград, воля, простор' *Во всю пуцу пустили его*. Пек., Осташк., Твер. [СРНГ 33: 177]; *слобода* 'воля, простор, раздолье' Холмог., Арх. [СРНГ 38: 288]).

Вместе с тем нельзя не отметить, что это пространство может восприниматься как чужое, внешнее по отношению к человеку (ср. *вольный* 'находящийся вне чего-либо, внешний' Том., 1964 // 'совершаемый или происходящий на открытом воздухе, вне помещения' Ленингр. [СРНГ 5: 86]; *привольный* 'посторонний' *Сосед-то привольный, посторонний*. Пинеж. Арх. [СРНГ 31: 148]; *ходить на волю; сын живет на воле, в Москве*. Покров., Юрьев. Влад., Моск.; *с воли солод – плохой, не солодит совсем*. Перм. [СРНГ 5: 88]).

ВОЛЯ в языке русской традиционной культуры осмысливается и как **количественная категория**, она является мерилем признака, **находящегося либо в норме** (отсюда значение 'достаточно', ср. *доволь* 'вдоволь, довольно, достаточно' *Рыбы было до доволе, хлеба было до доволе, всего было до доволе*. Турин., Свердл.; *до доволи* Арх., Шадр., Перм., Олон., Киров.; *Давно я простокишки-то не едал, поем у бабки до доволи*. Курган., Зауралье, Том. [СРНГ 8: 85]; *довольно* нареч. 'хорошо, достаточно' *Я его довольно знаю*. Никол., Волог. [СРНГ 8: 85]), либо **достигшего своего высшего проявления** (отсюда значения 'очень', 'вдоволь', ср. *вольный* 'имеющийся в избытке, вдоволь': *Хлеб у нас вольный, ребята едят сколько хотят*. Мещов., Калуж.; *Дрова вольные здесь*. Брян. *В деревне жисть не то, что в городе, картошка вольная, яблоки вольные*. Брян. [СРНГ 5: 87]), 'много' (ср. *воля* 'вволю, вдоволь, очень много' *Воля денег Белозер.*, Новг.; *Масла там, поди, много, воля*. Весьегон., Твер. [СРНГ 5: 88]; *доволя* 'вволю, много' *Я сегодня доволя поработал*. Тотем., Волог.; *Нынче хлеба доволя уродилось, покупать не придется*. Волог., Калуж., Том. [СРНГ 8: 86]). Таким образом оформляется установка русской культуры: ВОЛИ должно быть много, при этом, однако, она все-таки воспринимается как категория меры, имеющей свой предел.

Итак, язык русской традиционной духовной культуры свидетельствует о том, что **отношение к ВОЛЕ** в этой культуре **неоднозначное**, особенно когда речь заходит о человеке, обладающем этим качеством.

Чем объясняются эти разные коннотации, сопутствующие семантике ВОЛИ? Почему, несмотря на то, что ВОЛЯ – это 'обеспеченная жизнь, достаток, довольство, изобилие', 'свобода', 'приволье', имена, попавшие в семантическое поле ВОЛИ (причем в основном имена, относящиеся к человеку), приобретают часто отрицательную окраску?

Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в тех вековых традициях, которые были привиты русской культуре христианством. Мир русской культуры, и особенно культуры традиционной, окажется непознанным, если не принять во внимание место и значение, отводимое в нем христианству.

Если обратиться к памятникам старославянской и древнерусской письменности, то нетрудно заметить, что внутренняя коллизийность ВОЛИ

связана с тем, что в ее осмыслении переплелись сакральное (Божь" вол") и профанное (сво# вол").

ВОЛЯ в сознании средневекового человека, как и многие другие абстрактные понятия, соотносилась, с одной стороны, с Богом, волею которого была предопределена вся жизнь человека, а с другой – с самим человеком, воля которого хотя и признавалась ничтожной перед Высшей волей (ибо все в мире подчиняется воле Божьей), однако именно волей человека предопределялся его выбор **жизни в Боге**. В этом случае воля являлась добровольным, сознательным изволением своего “я” (ср. вольнь ‘добровольный, сознательный’ [СС: 120]). И этот духовный акт закладывал основы формирования человека как личности, ибо свидетельствовал о силе его духа. Отсутствие же этой воли (ср. несамовольнь ‘безвольный’ [СС: 375]) говорило о слабости и малодушии человека (ср. оуныль ‘слабовольный, малодушный, равнодушный, вялый’ [СС: 741] < **оуныти** ‘пасть духом’ [СС: 741]), а значит, о неспособности противостоять злу и творить добро (подробнее см. [13. С. 198]). При этом средневековый человек отчетливо осознавал, что «ход и исход его жизни зависит от чего-то, кроме него самого, от какой-то превосмогающей необходимости, которой он волей-неволей должен подчиниться» [14. С. 342]. И имя этой необходимости – Провидение Божье.

Исследование, проведенное В.В. Колесовым [15], показало, что «воля до XVII в. находится в полном распоряжении Бога¹, и все пребывают согласно «воле Божьей», поэтому «Творити волю божью» – вполне обычное выражение. Воля небесная идеальна в отношении к очерченной земными пределами свободе. Естественная природность свободы противопоставлена давлению сакральной воли» [16. С. 379]. БОЖЬЯ ВОЛЯ – это веление свыше, указание жизненного пути человеку, и это связано с его предназначением и судьбой. «Воля не просто выбор или приказ, а предначертание судьбы, противостоять которой никто не в силах» [15. С. 44]. И это «понимание воли как проявление судьбы в жизни человека определяет нравственную ее составляющую, наличие БОГА в человеке» [17. С. 57].

Таким образом, «в понимании человека Святой Руси на все существует *Воля Божья*, а человеческий выбор зависит только от нее и должен определяться величием Божественного» [18. С. 145], ср. в связи с этим известное молитвенное прошение «*Да будет воля Твоя...*», т.е. свобода воли человека проявляется в главном – в выборе жизни в Боге, ср. пословицы: *человек ходит – Бог водит.; Твори (Бог) Господь волю*. Грязов., Волог. [СРНГ 43: 330].

Своя воля поэтому ограничена, с одной стороны, христианскими традициями, а с другой – социально-этическими нормами крестьянской культуры. В многочисленных номинациях, входящих в лексико-семантическое поле ВОЛИ, эта норма ощущается интуитивно, как некий «спущенный»

¹ Попутно заметим, что и в XIX в. это восприятие ВОЛИ по-прежнему сохраняется, ср. известные строки А.С. Пушкина: «Веленью Божьему, о муза, будь послушна» или М.Ю. Лермонтова: «Не будь на то Господня воля, не отдали б Москвы».

кем-то императив. Это понимание ВОЛИ до сих пор сохраняется в диалектах. Именно поэтому неограниченная воля человека, следование лишь своим влечениям, независимость от установленных обычаев, традиций, норм социальной жизни воспринимается отрицательно, как нарушение этой нормы и в целом христианской установки, в соответствии с которой **своя воля – это присутствие Бога в душе**. В этом смысле ВОЛЯ «ограничена совестью и является внутренним ее проявлением» [16. С. 382]. Таким образом, ВОЛЯ в языке традиционной духовной культуры предстает как этическая категория, так как в ее осмыслении огромное значение имеют нравственные установки, религиозная практика, обычаи и нравы русского народа, уровень духовной культуры которого определяется умением господствовать над своими желаниями и влечениями. «Если ВОЛЯ оказывается духовно беспризорной и нравственно разнузданной, она начинает служить волку в человеке и становится его свирепым орудием, – писал И.А. Ильин. – Невоспитанная, неодоухотворенная, необлагороженная воля есть источник всех коварных, злобных и преступных поступков на земле» [19. С. 22]. Эти слова И.А. Ильина подтверждают и русские пословицы: *Своя воля – страшнее неволи; Воля губит – неволя изводит* и др.

Итак, находясь в рамках языка традиционной духовной культуры, невозможно не почувствовать то мироощущение, то восприятие человеком мира и самого себя, которое стихийно отразилось в диалектном слове. При этом приведенные факты красноречиво говорят о том, что диалектная категоризация ВОЛИ отличается от литературной, поскольку смысловой диапазон этого понятия в языке русской традиционной культуры чрезвычайно широк – от конкретно-бытового, связанного с хозяйственной деятельностью крестьянина, до абстрактного, отсылающего к представлениям о жизни и судьбе человека. В многочисленных номинациях, актуализирующих идею ВОЛИ, раскрылись богатство языка русской традиционной культуры, его своеобразная «философия», которую, перефразируя слова Е.Н. Трубецкого, можно назвать «умозрением в слове».

Думается, что обращение к диалектному слову позволило почувствовать творческие пульсации языковой личности, избежать субъективности в ее оценке и в известном смысле «реконструировать» те культурные смыслы, которые и создают культурный субстрат, который лежит в основе традиционной духовной культуры.

Литература

1. Скальковский П.А. Мнения русских о самих себе. М., 2001.
2. Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989.
3. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010.
4. Толстой Н.И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Избр. труды. М., 1999. Т. 3.
5. Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 220–229.

6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
8. Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003. С. 73–99.
9. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
10. Урысон Е.В. Словарная статья СВОБОДА 1.1, ВОЛЯ 4.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. Вып. 3.
11. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 215–230.
12. Вендина Т.И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах. М., 1999. С. 277–304.
13. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
14. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М., 1988.
15. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
16. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.
17. Пименова М.В. Безэквивалентные концепты (на примере концепта ВОЛЯ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 8, вып. 2: Когнитивная лингвистика. 2010. С. 51–57.
18. Платонов О.А. Воля // Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000.
19. Ильин И.А. Россия: Путь к возрождению. М., 2017.

Словарные источники

- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. 1–4.
- СС – *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI вв.) / под. ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1984.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. М. ; Л. (СПб.), 1965–2001. Вып. 1–43.
- СРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975–2008. Вып. 1–28.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.

A Substratum Approach to the Dialect Word (On the Semantic Collision of the Concept “Volya”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 35–52. DOI: 10.17223/19986645/59/3

Tatiana I. Vendina, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vendit@rambler.ru

Keywords: dialect word, traditional spiritual culture.

The paper deals with one of the key notions of the Russian culture – VOLYA [volition, will]. The research object is Russian dialects since, in the author’s opinion, it is the language of traditional spiritual culture that contains the native Russian basis that has not been fogged by the West-European influence and determines the national originality. The author thinks that the references to the opinions and the assessments of any authorities in history, literature and philosophy are poorly convincing as they are always subjective. That is why, when researching the notion VOLYA, it is necessary to penetrate into the language ideology and get rid of obtruded assessments. The author offers the substratum approach to the notion description. The substratum approach is regarded as an approach that reveals not only the dialect word’ meaning and inner form but also the ethnic and cultural imperatives that have lead to

the form's actualization. This approach will help to avoid subjectivity in the language personality assessment and to "reconstruct" meanings which are the basis of the traditional culture.

The vast dialect material given in the article proves that, in contrast to the standard language, in the Russian dialects VOLYA is interpreted in a more diverse manner since the environment is also comprehended through the prism of VOLYA. VOLYA in the language of the traditional culture is a polysemantic word which combines abstract, spatial, material, quantitative, temporal and personal meanings. In other words, the meaning range of this notion in dialect is much broader: it ranges from concrete common things connected with peasant household activities to abstract notions referred to life and human fate conceptions.

At the same time, the author discovers the inner ambivalence of VOLYA that is connected with the fact that in its interpretation sacral and common meanings have intertwined. The author proves that, in the interpretation of VOLYA by the language of traditional spiritual culture, moral principles, religious practice, traditions and the Russian temper are of great importance. That is why VOLYA is limited by the Christian traditions, on the one hand, and by the social and ethnic norms of traditional spiritual culture, on the other. This interpretation of VOLYA indicates the priorities of the Russian traditional culture. From the viewpoint of the culture moral imperatives, VOLYA contradicts social and ethnic norms as people unable to resist their desires are antagonized by the society because they do not comply with the society's moral principles. This fact strongly proves the victory of culture against the natural basis in people.

References

1. Skal'kovskiy, P.A. (2001) *Mneniya russkikh o samikh sebe* [Opinions of the Russians about themselves]. Moscow: Terra.
2. Berdyayev, N.A. (1989) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Paris: YMCA-Press.
3. Solonevich, I.L. (2010) *Narodnaya monarkhiya* [People's monarchy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
4. Tolstoy, N.I. (1999) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
5. Gyngazova, L.G. (2006) O kontsepte "Volya" v individual'nom soznanii nositelya traditsionnoy rechevoy kul'tury [On the concept of "Will" in the individual consciousness of a traditional speech culture representative]. In: Demeshkina, T.A. (ed.) *Aktual'nye problemy rusistiki: Yazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka* [Topical issues of Russian Studies: Language aspects of regional human existence]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Humboldt, W. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
7. Kibrik, A.E. (2008) Lingvisticheskaya rekonstruktsiya kognitivnoy struktury [Linguistic reconstruction of the cognitive structure]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 4. pp. 51–77.
8. Arutyunova, N.D. (2003) Volya i svoboda [Will and freedom]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Kosmos i khaos* [Logical analysis of language. Cosmos and chaos]. Moscow: Indrik.
9. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through their keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Uryson, E.V. (2003) Slovarnaya stat'ya SVOBODA 1.1, VOLYA 4.1 [Dictionary entry FREEDOM 1.1, WILL 4.1]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Is. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Tolstaya, S.M. (1989) Terminologiya obryadov i verovaniy kak istochnik rekonstruktsii drevney dukhovnoy kul'tury [The terminology of rituals and beliefs as a source of

reconstruction of the ancient spiritual culture]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor* [Slavic and Balkan folklore]. Moscow: Nauka.

12. Vendina, T.I. (1999) Tsvet v etnokul'turnoy sisteme russkogo, staroslavlyanskogo i drevnerusskogo yazykov [Color in the ethnocultural system of the Russian, Old Slavonic and Old Russian languages]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. Moscow: Indrik.

13. Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavlyanskogo yazyka* [Medieval man in the mirror of the old Slavonic language]. Moscow: Indrik.

14. Solov'ev, V.S. (1988) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Moscow: Mysl'.

15. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Russia: A legacy in the word. The world of man]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

16. Kolesov, V.V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.

17. Pimenova, M.V. (2010) Nonequivalent concepts (the Russian concept VOLYA as an example) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 8 (2). pp. 51–57. (In Russian).

18. Platonov, O.A. (2000) Volya [Will]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' russkoy tsivilizatsii* [Encyclopedic Dictionary of Russian Civilization]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

19. Il'in, I.A. (2017) *Rossiya: Put' k vrozozhdeniyu* [Russia: The path to rebirth]. Moscow: RIPOL KLASSIK.

Dictionaries

Dahl, V.I. (1978–1980) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.

Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagovaya, E. (eds) (1984) *Staroslavlyanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [Old Slavonic Dictionary (In Manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.

Filin, F.P. & Sorokoletov, F.P. (eds) (1965–2001) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Is. 1–43. Moscow; Leningrad (St. Petersburg): Nauka.

Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–2008) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Is. 1–28. Moscow: Nauka.

Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vols 1–4. Moscow: Progress.